

Александр ЕВСЮКОВ

ДОБЫЧА «ТЕНЕВОГО ГЕНИЯ»*О книге Геннадия Калашникова**

Каждая книга Геннадия Калашникова «штучна», особенно, выстрадана и добыта у природы и тайн подсознания. Как фильмы Тарковского или Алексея Германа. Новый сборник «Ловитва», в котором автор подводит определенный промежуточный итог, вобрал в себя меньше сотни стихотворений, написанных более чем за полвека творческой жизни. Тут можно было бы пожать плечами и с недоумением добавить: «Всего лишь...» Тем паче что многие стихослагатели успевают куда больше написать и предъявить свету за каждый календарный год, заодно успевая наследить в прозе, критике и других областях самовыражения.

Однако немедленно вспоминается легендарный ответ Юрия Олеши одному плодovitому автору на его претензию: «Мало же вы написали за всю свою жизнь, Юрий Карлович! Я все это за одну ночь могу прочитать». Олеша тут же парировал: «А я за одну ночь могу *написать* все, что вы за всю свою жизнь написали...» Безусловно, Калашников мог бы писать гораздо больше — работоспособность и техника это ему позволяют. Однако он предпочитает чаще выступать опытным наставником и редактором, чем непосредственно автором. По собственному признанию, его «поиски продолжают-ся до сих пор. Беспроегршных автоматических навыков я так и не приобрел, все время возвращаюсь к манящему, неуловимому, вечно дробящемуся ритму, к вечному началу». Думаю, это не столько сознательная стратегия или стечение жизненных обстоятельств, сколько результат высочайшей творческой ответственности перед собой, коллегами и читателем.

Еще одним подтверждением осознания автором такой ответственности служат недавние слова: «Разумеется, я ощущаю за собой любимых писателей, поэтов, любимые и нестареющие книги. Прошу прощения за самоцитирование: “Все, что прочел, оно с тобой всегда и все своим подсвечивает светом...” Не то что я напрямую им наследую. Но я живу в их постоянном присутствии. Они задают масштаб, устанавливают планку, меру вкуса, ниже которых нельзя опускаться»**.

Поэтому вовсе не случайны и не легковесны в отношении Калашникова такие определения, как «рыцарь поэзии» или «приверженец стиховой

* Геннадий Калашников. Ловитва. М.: Летний сад, 2022. 216 с. (Серия журнала «Плавучий мост»).

** «Все, что прочел, оно с тобой всегда...» // Дружба народов. 2022. № 9.

аскезы». Однако наиболее верной мне видится характеристика, данная писательницей Светланой Василенко, — «теневого гений». Само созвучие уменьшительной формы имени автора «Гена» и слова «гений», видимо, не совсем случайно. Конечно, поверять алгеброй гармонию и вталкивать живого поэта на высокий пьедестал я не стану. Многое неизбежно рассудит время, но уже сейчас стоит сказать: авторитет Калашникова и влияние его творчества на более молодых поэтов ощутимы. Причина не только и не столько в огромном опыте семинарской работы, сколько в уровне творчества, редком сплаве неустанного внутреннего поиска и новаторства с внешней традиционностью, гармонично включающей элементы архаики.

Названия калашниковских сборников, как правило, выходящих с интервалом в десятилетие, чередуются так: однословное — развернутое. Нынешний сборник назван единственным, редким и даже загадочным словом «Ловитва». Что же это такое? Расширяя словарное значение, я бы ответил так: «Добыча, созвучная с молитвой». Каждый раз автор под маской лирического героя ловит (хотя бы взглядом) нечто трудноуловимое и молит о чем-то пока неведомом.

Книга устроена необычно, но вполне логичным образом. Сначала, будто пролог романа, из прозы послевоенной жизни рождаются непрошенные стихи. Так знаменуется момент, после которого больше чем на пять десятилетий наступает для автора время поэзии. Затем берет свое мемуарная проза вместе со стихами, максимально близкими ей по тематике. Вслед за ней черед, собственно, воспоминаний, а в качестве эпилога — обстоятельная литературоведческая статья Иосифа Фридмана. Каждое произведение и тем более каждый раздел плотно подогнаны и будто помножены друг на друга. Поэтому вся книга как целое гораздо больше и глубже, чем сумма вложенных туда текстов. Ее явно недостаточно пролистать или прочесть наспех, с ней нужно вдумчиво прожить хотя бы несколько дней.

Каждой песчинки кремнистый излом сделан подробно.
Волны от суши торопятся вспять, горбясь валами.
Что остается? Про все рассказать
своими словами.

Теневым, но важным камертоном для всей книги становятся птицы. Со всем не случайны непреходящий интерес к ним автора и выразительное изображение замершего в полете сокола-пустельги на обложке. Они присутствуют во многих его стихах, особенно в первом разделе «Я — ловец и добыча». Зачастую тайные, беззвучные, незаметные и не слышимые другими: «Тяжелая птица сутуло сидит на суку», «внутрь смотри забудь про земное зренье / слушай птиц бесшумных беззвучное пенье», «в небо с разлета ударится птица», «Для рыб я птица, а для птиц я рыба», «коршун» и мелкие птицы, «соловьиная ветка», «и сильный тонкий свист / косых утиных крыл в стремительном полете», «В глубине твоей прячется птица, / ее голос беспечен и чист», «Даже птица, подбитая влет, / не совсем по прямой упадет», «бензина павлиньи спирали», «Ночью в скользком лозняке / коростель заплачет слезно». Каждый такой образ не умозритель, он подтвержден личным заинтересованным наблюдением и подчас глубоко скрытым, но несомненным

сопереживанием. Каждый из этих образов уже стал законной творческой добычей, которой автор-охотник делится с нами — читателями.

...Глаза чудовищ водяных
глядят на выжженную сушу.

Возникает ощущение чьего-то взгляда и незримого соприсутствия, от которого хочется замереть. Хорошо или плохо скрытая камера фиксирует наши неуверенность, поиски и страхи. Птицы, взгляды и иные неопознанные сигналы обозначают постоянное пребывание в тайном течении жизни Бога: неканонического, непривычного и, вероятно, не всемогущего, но близкого и конкретного.

Что-то вдруг промелькнет в суете,
с суетою настойчиво споря,
так ревущий прибой в темноте
говорит об огромности моря.
Отвлеченность больших величин
только малостью можно измерить,
есть ведь тысяча разных причин
и в бессмертье, и в вечность не верить.
<...>
Тяжкий рокот ночной, этот вой
перемен и несчастий предвестье.
А наутро посмотришь — покой,
каждый камешек вроде на месте.

Несколько кинематографически точных кадров — и вот уход от суеты в кратковременное слияние с мощью стихии, явленный в стихах, дает наблюдателю метафизическую передышку, подключение к иному измерению. Затем ему предстоит вновь слиться с местностью, стать одним из «камешков», который «вроде на месте». Рано ушедший писатель и режиссер Сергей Говорухин считал, что «в поэзии слово “ведь” — признак стихотворной немощности». Обычно так и бывает — неумелые пииты нередко латают этим союзом брешу в стихотворном размере. Но в данном случае слово употреблено совершенно осознанно. Образцово шаблонную рифму «кровь — любовь» можно встретить у целого ряда крупнейших поэтов, но у них она каждый раз обретает иное измерение.

Отмечу, что Калашников — мастер непоказных филигранных аллитераций:

...чему поражаешься, выходя из дому —
обилию обликов облаков.

Такие созвучия, как и усиливающие повторы слов (как правило, в финалах стихотворений) являются важнейшим элементом его поэтики: «Зима, услышишь, зима», «живи без меня, живи без меня, живи без меня, живи», «Все течет, Гераклит, и течет, и течет, и течет», «А ты, ночная птица, сипи, сипи, сипи: Гена, не спи не спи не спи не спи...» С помощью этих смысловых повторов воссоздается утерянная гармония, они не позволяют ни глазу, ни уху при чтении вслух проскользнуть мимо них и в итоге становятся зримым выражением трагического оптимизма поэта.

Наиболее автобиографичные стихи Калашникова, тесно связанные с конкретными датами, людьми и топонимами, помещены по соседству с

мемуарной прозой во второй раздел книги, названный «Каво люблю». Приемы скудного и при этом неисчерпаемо богатого послевоенного быта собраны в коробке скупщика-«фарябника»: «Чего там только не было: рыболовные крючки и лески, складные ножички, резиновые литые мячики, коробки цветных карандашей, ленты, иголки, в том числе и “иголки-цыганки”, зеркала, нитки “мулине”, коробочки пудры “Кармен” с черноволосой красавицей на крышке». А вот важнейший момент личностного роста — мальчишеская инициация: «В очередной раз, когда лошадь подстегнули прутом, а меня подстегнул страх, в ожидании неизбежного падения я обречено расслабился — и вдруг почувствовал ритм, в котором скакала Битва. Каким-то образом я понял, что мне надо слиться с этим ритмом, не напрягаться, не цепляться за лошадь, тем более что, кроме гривы, там и цепляться-то было не за что». Также выделю «Елифань» — короткое эссе из одной длинной фразы, своего рода вызов, успешную проверку прозаического дыхания.

Раздел «То, что было...» посвящен воспоминаниям о занятиях в студии одного из крупнейших и интереснейших поэтов XX века Бориса Слуцкого, а также о периоде работы в еженедельнике «Литературная Россия» в эпоху застоя. «Учитель и ученик, в почти аскетическом самурайском духе» — так говорится о строгих, лишенных сантиментов, отношениях с творческим наставником. Вот свидетельство очевидца его трагичной судьбы: «Как я уже говорил, мы учились у Слуцкого вместо запланированных двух целых пять лет, вплоть до самого трагического события в его жизни: смерти жены — Татьяны Дашевской. Он даже нашел в себе силы прийти после этого на занятия. По-прежнему прямой, подчеркнуто бесстрастный, решительным жестом прервал наши соболезнования, но когда “наш Борис Абрамыч” тяжело и как-то неловко сел, стало сразу видно, как он потух и сдал. По-моему, это было последнее наше занятие».

Следующему эссе Калашникова «На берегу Цветного бульвара» не хватает завершенности, внутреннего финала. Вместо этого в нем ощущаются удивление, даже некоторая растерянность и острое желание вывести из тумана времени ценные подробности уходящей эпохи. Предположу, что статья И. Фридмана «И стал я телом огня...» включена в качестве послесловия не столько по изначальному замыслу, сколько по необходимости. Эта монументальная литературоведческая работа на примере творчества Геннадия Калашникова осмысливает место и значение натурфилософии в ситуации условного постмодерна.

Однако значение его поэзии не ситуативно. Постмодерн пришел и уходит, а лучшие образцы поэзии сохраняют актуальность в иных культурных и социальных ситуациях:

Солнце за море нырнет,
запоет цикада снова.
Одиночество мое —
жизни тайная основа.

Выше приведены строки из стихотворения «Колхида», написанного в далеком 1979 году. К счастью, такое одиночество плодотворно. Это одиночество ловца поэтической добычи...